

Ковалишин Павел Юрьевич

**СРЕДСТВА ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ И СЕМАНТИЧЕСКАЯ
СТРУКТУРА КУЛЬТУРНЫХ КОНСТАНТ «БОГ», «ВЕРА», «ДЕНЬГИ»,
«ЗАКОН», «СУД» (НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА РУССКИХ
ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОВ В.И. ДАЛЯ)**

10.02.19 – теория языка

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Калининград
2011

Работа выполнена в ФГОУ ВПО «Балтийский федеральный
университет имени Иммануила Канта»

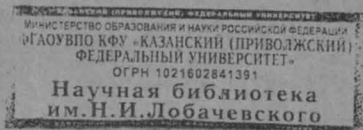
Научный руководитель:

- доктор филологических наук, профессор
Берестнев Геннадий Иванович

Официальные оппоненты:

- доктор филологических наук, ведущий
научный сотрудник Института языкознания
РАН Ковшова Мария Львовна

- кандидат филологических наук, доцент
кафедры иностранных языков Балтийского
федерального университета имени И. Канта
Евстафьева Марина Анатольевна

Ведущая организация:

Тульский государственный педагогический
университет имени Л.Н. Толстого

Защита состоится 28 октября 2011 г. в 16:00 час. на заседании
диссертационного совета К 212.084.04 при Балтийском федеральном университете
имени Иммануила Канта (236022, г. Калининград, ул. Чернышевского, 56а,
факультет филологии и журналистики, ауд. 231).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО
«Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта».

Автореферат разослан «24» сентября 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

О.Л. Кочеткова

В настоящее время широкое распространение получило обращение лингвистов к концептам культуры. Это «сгусток культуры» в сознании человека; то, в виде чего культура входит в его ментальный мир человека. Особое место в сфере концептов культуры занимают «константы» – концепты, имеющие постоянный характер или существующие очень долго. К числу таких констант относятся, в частности, концепты «любовь», «вера», «радость», «свой» и «чужой», «ремесло» и многие другие.

Настоящая диссертационная работа выполнена в русле отмеченной проблематики и посвящена содержательной реконструкции ряда констант русской лингвокультурной ментальности. В фокусе внимания при этом оказались и вопросы языкового выражения этих концептов, а также организация соответствующего концептуального пространства, включающего представления о взаимодействии содержаний языка и культуры.

Актуальность предпринятого исследования обусловлена рядом моментов. Прежде всего, константы являются объектом идеологического влияния при реализации мирозидательной функции языка. А знание их содержательной и познавательной природы позволяет эти процессы должным образом регулировать. Кроме того, на основе «констант» организуется культурное бытие человека и всего лингвокультурного сообщества. Они активно моделируют действительность, и важно понять механизмы такого моделирования, а также заложить основы для дальнейших сопоставительных исследований в этой сфере. Наконец, актуальным в рамках настоящей работы является выход на такие уровни теоретического обобщения имеющихся языковых данных, где более определенно просматривается устройство ментального пространства человека.

Объектом настоящего диссертационного исследования выступили константы русского лингвокультурного сознания «Бог», «вера», «деньги», «закон» и «суд». Выбор для анализа данных констант обусловлен их универсальностью и высокой значимостью для культурного сознания человека, принадлежавшего любой культуре.

Предмет диссертационного исследования составили содержательные особенности указанных констант. Также в нем анализировались способы языкового выражения соответствующих концептуальных областей и концептов в пословицах и поговорках, специфика их оценки носителями языка. При этом второй аспект научного интереса в работе реализован в сопоставительном аспекте, что позволило вывести полученные данные на уровень типологических обобщений.

Целью данной работы является структурно-семантический анализ констант «Бог», «вера», «деньги», «закон» и «суд» в русской лингвокультурной ментальности по данным русских пословиц и поговорок, описание средств выражения концептуальных содержаний в пословицах и поговорках в сопоставительном аспекте – в русском и английском языках

В соответствии с поставленной целью в работе решались следующие задачи:

- проанализировать историю вопроса о языковой картине мира и концептах как ее строевых элементах, определить положения, актуальные при разработке теоретических оснований исследования;
- обосновать принцип междисциплинарности как необходимый при изучении языковой картины мира и констант языка и культуры;

- обосновать значимость пословиц и поговорок как источника при изучении культурных представлений народа;

- выявить специфические аспекты языка пословиц и поговорок с культурной семантикой в двух лингвокультурных традициях – русской и английской, осуществить сопоставление полученных результатов с целью выявления типологических характеристик в данной сфере;

- проанализировать в сопоставительном аспекте формы языковой игры в пословицах и поговорах с культурной семантикой в русской и английской лингвокультурных традициях;

- рассмотреть синтаксические особенности русских и английских пословиц и поговорок в сопоставительном аспекте;

- выявить и описать содержательную структуру лингвокультурных констант «Бог», «вера», «деньги», «закон» и «суд» в русском лингвокультурном сознании.

- обобщить полученные данные, определить дальнейшие перспективы исследований лингвокультурных констант.

Цель и задачи настоящей работы обусловили обращение к следующим основным исследовательским методам:

- метод компонентного анализа, опирающийся на выявление признаковой структуры лексических значений и позволяющий корректно и теоретически обоснованно представлять концептуальные содержания слов;

- метод контекстного анализа, позволяющий воссоздавать признаковые структуры рассматриваемых содержательных объектов с учетом предикативности высказывания, проявляющей содержательные характеристики всей описываемой им ситуации;

- метод семантической реконструкции, позволяющий воссоздавать разномасштабные содержательные единицы языка и языкового сознания человека по их отдельным структурным семантическим составляющим;

- метод лингвокультурологического анализа, предполагающий принятие во внимание культурных условий, в которых функционирует конкретное слово или высказывание, – он позволяет воссоздавать прагматическую семантику слов, которая важна для данных контекстов, но выражается в них имплицитно, на ассоциативном уровне;

- сопоставительный метод, позволяющий выявлять семантические сходства и различия между концептуальными областями «мужского» и «женского» в русском традиционном лингвокультурном сознании и устанавливать типологически значимые содержательные сходства и различия между ними;

- метод словарных дефиниций, позволяющий анализировать содержание концептуального ядра в составе лексических значений на основе данных толковых словарей;

- синхронно-описательный метод с привлечением таких приемов, как лингвистическое наблюдение, сравнение, обобщение, интерпретация имеющихся фактов, – он позволил представить полученные данные последовательно и теоретически непротиворечиво.

Материалом для исследования послужили прежде всего пословицы и поговорки русского народа, собранные В.И. Далем. Также использовались данные современного русского языка, относящиеся к сферам лексики, словообразования, морфологии, синтаксиса, текстообразования. В качестве материала в исследовании

использовались и сведения, содержащиеся в работах других ученых (В.Н. Телия, А.Д. Шмелев, Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Ю.С. Степанов, Анна А. Зализняк, К.Д. Бак и др.).

В качестве **методологической основы** исследования в работе приняты базовые положения теории языка (Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицкая Э. Рош, Ю.С. Степанов, В.Н. Топоров, Г.И. Берестнев и др.), когнитивной лингвистики (В.З. Демьянков, Дж. Лакофф, М. Джонсон, А.В. Кравченко, Е.С. Кубрякова, Г.И. Берестнев и др.), лингвокультурологии (Э. Бенвенист, Г.И. Берестнев, А. Вежбицкая, Анна А. Зализняк В.А. Маслова, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия, А.Д. Шмелев и др.), теории концепта (Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Ю.С. Степанов, А. Вежбицкая, А.Д. Шмелев, Анна А. Зализняк и др.).

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые реализован принцип семантического анализа ряда констант в русском лингвокультурном сознании на лингвистических данных. В частности, в настоящей работе впервые: проблема культурных констант рассмотрена на материале пословиц и поговорок и с точки зрения языковой прагматики; осуществлен структурный анализ семантики констант «Бог», «вера», «деньги», «закон» и «суд», определены типы связанных с этими концептами пословиц и поговорок с точки зрения коммуникативной установки; намечено новое направление анализа констант, которое может быть определено как «картографирование» их семантики на основе языковых данных.

Теоретическая значимость диссертации состоит в том, что она способствует уточнению и развитию положений современной лингвистики о языке как форме хранения знаний носителей языка о действительности. Развитие существующей языковой теории в данном случае определяется тем, что исследованные в диссертации константы «Бог», «вера», «деньги», «закон» и «суд», по сути, являются культурными универсалиями. В силу этого языковая теория в диссертации обогащает современные теоретические положения культурологи и социологии. Настоящее диссертационное исследование развивает и важнейшие положения современной когнитивной науки относительно способа существования и устройства ментального пространства человека.

Практическая значимость диссертации заключается в возможности применения ее выводов в практике вузовского преподавания языковых дисциплин – в лекционных курсах и семинарских занятиях по теории языка, лексикологии, семантике, лингвокультурологии, психолингвистике, социоллингвистике. Кроме того, диссертация может найти практическое применение в лексикографической практике.

В соответствии с поставленной целью в качестве **основных положений**, определяющих научную новизну и теоретическую значимость диссертационной работы, на защиту выносятся следующие:

1. Проблема культурных констант решается с привлечением категориальной базы направления, в рамках которого изучается языковая картина мира.
2. К числу основных категорий при исследовании культурных констант с языковой точки зрения относится категория «концептуальная область».
3. Ведущий методологический принцип при анализе культурных констант на основе данных языка – принцип междисциплинарности, основанный на близости языка и культуры.

4. Пословицы и поговорки являются единицами культурного кода; они составляют особенно перспективный источник при языковом анализе культурных констант.

5. В языковой структуре пословиц и поговорок, имеющих высокую культурную наполненность, содержатся явления, типологически значимые для текстов данного рода и определяющие их функциональную специфику; некоторые из этих явлений реализуются в фонетической организации пословиц и поговорок, другие – в их грамматике.

6. При семантическом анализе культурных констант по данным пословиц и поговорок должна строго учитываться прагматика этих пословиц и поговорок.

7. Семантика культурных констант, выявленная на основе данных пословиц и поговорок, имеет иерархическую организацию и может быть схематически представлена в виде таблиц.

Апробация работы. Основные положения и результаты настоящего диссертационного исследования обсуждались на кафедре общего и русского языкознания БФУ им. И. Канта, были представлены в докладах на ежегодных научных семинарах аспирантов РГУ им. И. Канта (2007-2010 гг), на международных научных конференциях «Оценки и ценности в современном научном познании» (Калининград, 20 – 22 июня 2008 г.), «Язык и дискурс в статике и динамике» (Минск, 14 – 15 ноября 2008 г.).

Структура и содержание работы. Диссертация включает в себя Введение, три главы, заключение, список использованной научной литературы.

Во **Введении** обосновывается выбор темы, объясняется специфика данного исследования, связанная с постановкой и решением проблемы констант в лингвокультурном сознании носителей русского языка; определяются объект и предмет исследования, материал и методы его анализа; раскрывается новизна работы, отмечается ее актуальность, теоретическая и практическая значимость; формулируются цели и задачи работы, описывается ее структура.

В главе I **«Теоретические основания исследования»** содержится аналитический обзор работ по данной проблематике, имеющий целью обосновать реализуемый в диссертации подход к константам «Бог», «вера», «деньги», «закон» и «суд» в русской лингвокультурной ментальности.

В первом параграфе **«Языковая картина мира как объект лингвистических исследований»** анализируются предпосылки формирования концептуальных исследований, определяются наиболее актуальные для данной диссертации теоретические положения немецкой (Л. Вайсгербер) и американской (Э. Сепир, Б. Уорф) школ неогумбольдтианства, анализируются теоретические и методологические установки исследований А. Вежицкой и российской школы изучения языковой картины мира. В частности, здесь развиваются следующие положения: каждый язык, неся в себе мировидение того народа, которые его создал, обладает уникальной картинной мира; язык играет роль «символического руководства в понимании культуры» (Э. Сепир); существуют «лингвоспецифичные слова», которые отражают не только образ жизни, характерный для того или иного общества, но прежде всего – образ его мышления (А. Вежицкая); картина мира в настоящее время прочно вошла в систему объектных единиц языкознания.

Во втором параграфе *«Языковая картина мира в структурном аспекте. Понятие концептуальной области»* анализируется содержание категории «языковая картина мира» в современном языкознании, определяются аспекты изучения языковых картин мира и описывается их структура, дается понятие концептуальной области. Результат исследования на данном этапе составили такие положения:

1) языковая картина мира имеет системный характер и определяется как совокупность содержаний, отражающих видение и понимание человеком действительности; особый концептуальный «раскрой», на основе которого человек эту действительность мыслит; 2) данные для реконструкции содержаний отдельных фрагментов картины мира предоставляют не только факты языка, но и любые тексты культуры в самом широком (семиотическом) смысле [Апресян 2006: 34; Арутюнова 1988; Арутюнова 1998]; 3) мышление народа тесно связано с языком, поэтому изучение представлений данного народа о действительности должно осуществляться прежде всего на основе языка и собственно языковой картины мира; 4) в последние десятилетия в российской лингвистике сформировалось новое направление междисциплинарного характера, в рамках которого осуществляется системный анализ фрагментов языковой картины мира и важнейших концептов (культурных «констант») в их составе (А. Вежицкая, Ю.Д. Апресян, Анна А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев и др.); 5) для всех подходов к проблеме языковой картины мира характерно признание наличия в ее составе отдельных структурных составляющих; 6) в составе языковых картин мира предлагается выделять следующие элементы: концептуальные области, концептуальные подобласти разных уровней, концепты (последние структурные элементы картин мира конституируются и описываются отдельными семантическими признаками).

В третьем параграфе *«Принцип междисциплинарности в исследовании языковой картины мира»* развивается положение о том, что междисциплинарность (или, согласно Е.С. Кубряковой, экспансионизм) составляет яркую парадигмальную черту современного языкознания. В особой мере это понятие относится к направлению, в рамках которого исследуются культурные знания носителей языка. В этом плане наиболее продуктивны связи языкознания с философией, которая формирует новые парадигмальные установки при реконструкции картин мира на основе данных языка, с мифологией и религией. Но особенно важна междисциплинарная связь языкознания и культурологии. Культура связана с миропониманием народа, а язык это миропонимание фиксирует. В связи с этим к концу XX века сложилось новое направление в языкознании, называемое лингвокультурологией.

В четвертом параграфе *«Исследование языковой картины мира в отношении к лингвокультурологии»* обосновывается мысль о парадигмальной неопределенности данной дисциплины. В этом плане одни исследователи (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров и др.) считают, что ее основная задача – выявление единиц языка, наиболее четко связанных с собственно национальными фактами материальной, социальной или духовной культуры народа. Другие исследователи идут в этом направлении еще дальше и главный интерес лингвокультурологии видят в выявлении своеобразия языковой ментальности народа [Телия 1996: 218].

Иначе видит очертания лингвокультурологии В.А. Маслова. По ее мнению, задачу лингвокультурологических исследований составляет экспликация культурного содержания языковой единицы на основе исходной культурной ситуации, обозначенной фразеологизмом или другой языковой единицей, ее символической интерпретации в отношении к текстам, сформулированным на основе других кодов культуры [Маслова 1997: 10 – 11].

Третью точку зрения на парадигмальные черты лингвокультурологии отстаивает В.В. Воробьев. По его мнению, важнейшей задачей этой дисциплины и ее характерной отличительной особенностью является системное представление культуры народа в его языке в их диалектическом взаимодействии и развитии, а также разработка понятийного ряда, который способствовал бы формированию современного культурологического мышления [Воробьев 1984: 34].

В этой связи в диссертации обсуждается вопрос о реальных парадигмальных границах лингвокультурологии, которые определяются предельно широко. Обосновывается мысль о том, что лингвокультурологическими по сути являются ономастологические исследования, современный концептуальный анализ. В последнем случае особое внимание должно уделяться этноспецифичным словам. Также здесь обоснована необходимость обращения к установкам и категориальной базе современной лингвокультурологии, понимаемой широко.

В пятом параграфе *«Пословицы и поговорки как источник при изучении языковой картины мира»* дается обоснование мысли о том, что пословицы и поговорки представляют собой формулы, в которых закрепился культурный опыт определенного сообщества. Эти формулы сначала были актуальными только для доминирующей социальной группы (в России – для крестьянства), но впоследствии обрели всеобщую культурную значимость, и в настоящее время способны вскрыть различные аспекты культурного сознания народа в целом.

Экспликация культурной семантики пословиц и поговорок осуществляется в целом на базе известных языковых механизмов и процессов – метафоры, метонимии, языковой прагматики, оценочных характеристик слов. Именно язык и языковые механизмы составляют собой источник, который открывает исследователям доступ в культурную семантику пословиц и поговорок.

Глава II *«Аспекты языка пословиц и поговорок: сопоставительный анализ»* посвящена рассмотрению наиболее значимых языковых механизмов, действующих в пословицах и поговорках при репрезентации ими культурных содержаний. Сопоставительное рассмотрение русских и английских примеров позволило получить в этом плане данные, имеющие типологический характер.

В первом параграфе *«Номинативные механизмы репрезентации содержаний в пословицах и поговорках»* рассматривается организация пословиц и поговорок в аспекте метафор и метонимий. Установлено, что в пословицах метафоричность может проявляться на трех структурных уровнях:

а) на уровне отдельных лексем. В этих условиях особое распространение в русской лингвокультурной традиции получили погодная и атмосферная метафоры. *Гром, гроза, молния, ветер, дождь* и т.п. представляют события отрицательного характера, а *ясное небо, солнце, сухая погода* – положительного (*Не всякий гром бьет, а и бьет, да не по нас; Где гроза, тут и ведро; После ненастья солнышко*). В английской лингвокультурной традиции складывается сходная картина, основания метафоризации являются теми же (*After rain comes fair weather* 'После дождя

наступает хорошая погода': *If there were no clouds, we should not enjoy the sun* 'Если бы не было облаков, мы бы не любили солнца'):

б) на уровне словосочетаний. В этом случае частым является разрушение фразеологизмов в составе метафор – изменение порядка слов, изменение грамматических форм слов, особые контекстные взаимодействия лексем и т.д. Так, в примере *Охота смертная, да участь горькая* фразеологизм *горькая участь* претерпел лексическую инверсию; в пословице *Счастье – вольная птица: где захотела, там и села* сочетание *вольная птица* представляет собой трансформацию фразеологизма *вольная птица*. Подобные явления наблюдаются и в английской лингвокультурной традиции. В примере *Confession is the first step to repentance* 'Признание – первый шаг к раскаянию' сочетание *the first step to* метафорически представляет мысль об ориентирах нравственного действия человека;

в) в пословицах в целом. В случаях такого рода принципиально важную роль играет воссозданный культурный образ, который является «областью-источником», содержательно оформляющей «область-цель». Так, для понимания метафорического содержания пословицы *Не убить бобра, не нажить (или: не видать) добра* необходимо знать, что мех бобра ценился в России весьма высоко, и его добыча была связана с охотой на бобров. Эти механизмы действуют и в английских пословицах, семантика которых обусловлена реалиями английской культуры. Так, пример *All are not hunters that blow the horn* 'Не всяк тот охотник, кто в рог трубит' для метафорического выражения мысли об иллюзорности видимых событий апеллирует к ситуации охоты в английской культуре (традиции созывать собак, трубя в рог).

Важное место в пословицах и поговорках занимают также метонимические связи, которые составляют средство выражения познавательных отношений между отдельными элементами действительности. При этом действует следующее правило: метонимические ассоциации связывают элементы некоторого фрейма, актуального для картины мира носителей языка. Исходя из этого представилось возможным создать типологию подобных метонимических связей. Определяющиеся в этом плане типы, в частности, таковы:

а) «структурная» метонимия, при которой в пословице или поговорке просто приводятся элементы некоторого фрейма (рус. *Думал купить корову, а н бык; Запор да замок святое дело; Час терпеть, а век жить*, англ. *Better an egg today than a hen tomorrow* 'Лучше яйцо сегодня, чем курица завтра'; *All is fish that comes to his net* 'Что ни попадает в его сети, – всё рыба' (смысл: «Он ничем не брезгует; из всего извлекает выгоду»)).

б) метонимия по связи событий в пространстве или времени. События такого рода могут мыслиться и метафорически, и в этих случаях они обретают причинно-следственную семантику. Так, в примере *Где холодно, там не оводно* выражается мысль об общих условиях жизни человека; пословица *Где гроза, тут и ведро* имеет темпоральную семантику: в ней выражается мысль о том, что за плохим непосредственно следует хорошее (ср. англ. *Where there's a will, there's a way* 'Где есть желание, там есть и средство'; *While the grass grows the horse starves* 'Пока трава растет, лошадь с голоду подыхает' (смысл пословицы: «Все время ждать надоедает»));

в) метонимии «внутреннего пространства-времени» человека. Эта связь может выражаться разными языковыми средствами – как лексическими, так и грамматическими. Так, в английской поговорке *Fair without, foul within* 'Красиво снаружи, да грязно внутри' пространственные представления выражаются посредством предлогов, в то время как в ее русских соответствиях эти же представления выражаются на лексической основе – ср.: *Рубашка белая, да душа черная; Лицом хорош, да душой не пригож; С собой красива, да душой трухлива*.

г) метонимии «компенсирующих отношений» между событиями. Эти отношения определяются следующим образом: если в одном плохо, то в другом будет хорошо. Так, в поговорке *Несчастлив в игре, так счастлив в любви* подобным образом связаны концепты «игра» и «любовь». В примере *Хоть и холодно, да не голодно* концепт «сытость» в оценочном плане перекрывает концепт «холод». Для русского лингвокультурного сознания первое обстоятельство в пословице оказывается более значимым, нежели второе. В английской лингвокультурной традиции эта модель представлена гораздо более слабо.

Во втором параграфе «*Прагматические модели пословиц и поговорок*» дается типология текстов такого с точки зрения выражаемого ими прагматического содержания. Здесь определяются следующие модели:

а) модель заявленного подобия. Пословицы и поговорки такого рода имеют структуру вида « $P(x) \approx$ (подобно) $Q(z)$ ». При этом признак Q у элемента (z) задается исходно и имеет вполне определенные и понятные коннотации. В силу этого они становятся эталоном для аналогичного осмысления коннотативной характеристики P у элемента (x). Так, в пословице *Мужик богатый, что бык рогатый* известны отрицательные коннотации у элемента *бык рогатый*, - они выражаются признаком «задиристость». Соответственно этот признак определяется вместе с отрицательной оценкой и у элемента *мужик богатый*. В английской лингвокультурной традиции эта модель представлена менее широко. Чаше здесь эта модель функционирует в преобразованном виде – как структура вида « $(x) \approx (y)$ » («*Like (x), like (z)*»), в которой прямо определяются элементы картины мира, находящиеся в отношении ценностного подобия, но не указываются его конкретные признаки. Ср.: *Like father, like son* 'Каков отец, таков и сынок'; *Like master, like man* 'Каков хозяин, таков и работник'; *Like priest, like people* 'Каков священник, такова и паства'.

б) противопоставительная модель. В ней сопоставляются две пропозиции, причем каждая из них отражает отдельную ценность в мирозерцательном отношении. Такова, например, пословица *За добрым делом находишься, худое само навяжется*. Представленные здесь пропозиции противопоставляются друг другу по признакам «хорошее – плохое», «быть субъектом ситуации – быть объектом ситуации», «с трудом – легко». Эти противопоставления играют роль дополнительного средства связи между частями пословицы как целого. В английской лингвокультурной традиции эта модель также представлена весьма широко. Ср.: *Honey is sweet, but the bee stings* 'Сладок мед, да пчелки жалятся'; *Oaks may fall when reeds stand the storm* 'Буря валит дубы, а тростник может устоять'; *Agues come on horseback, but go away on foot* 'Болезни к нам являются верхом, а от нас уходят пешком'.

в) модель предпочтительности. Пословицы, построенные по этой модели, делятся на две части. В первой сообщается о чем-то имеющем отрицательную

оценку, а во второй заявляется некое положение дел, которое каким-то образом «искупает» или ценностно компенсирует то, что представлено в первой части (ср.: *Хоть мошна пуста, да душа чиста*). Разновидность этой модели составляют пословицы и поговорки, в которых прямо заявляется оценка событий или действий человека в сравнительном аспекте: одно событие или действие указывается как лучшее по сравнению с другим (ср.: *Лучше недоговорить, чем переговорить; Лучше скуповато, чем мотовато*). В английской лингвокультурной традиции более продуктивна оценочная разновидность этой модели (ср.: *Bad compromise is better than a good lawsuit* 'Плохой компромисс лучше, чем хорошая тяжба' *Better an open enemy than a false friend* 'Лучше явный враг, чем лицемерный друг').

г) имплицативная модель. Пословицы и поговорки такого рода имеют логическую структуру «Если А, то и В» или «Если не-А, то и не-В». Такая импликация между событиями устанавливает в картине мира человека, принадлежащего данной лингвокультурной традиции, зависимости одного события от другого (ср.: *Будешь богат, будешь и скуп; Чаще счет, крепче дружба*). Имплицативная модель также широко представлена в английской лингвокультурной традиции (ср.: *If there were no clouds, we should not enjoy the sun* 'Если бы не было облаков, мы бы не любили солнца'; *If things were to be done twice all would be wise* 'Если бы можно было все делать вторично, все были бы мудрецами').

д) культурно-расширительная модель. Она имеет две разновидности. Во-первых, разновидность установочную, в рамках которой у лица, принадлежащего данной лингвокультурной традиции, формируются определенные ценностные установки относительно определенных событий. Формальный признак этой разновидности – выраженная тем или иным грамматическим способом императивность, которая может иметь как позитивную форму, так и негативную, представленную отрицанием (ср.: *Добро помни, а зло забывай! Не смейся чужой беде, своя на гряде*). Во-вторых, разновидность объяснительная. Пословицы такого рода объясняют некоторое положение дел в мире, тем самым расширяя знания человека о действительности. При этом часто они имеют метафорический характер и представляют идеи более высокого уровня осмысления действительности (ср.: *Полынь после меду горче самой себя; Клевета что уголь: не обожжет, так замазает*). В английской лингвокультурной традиции отмечаются и установочные пословицы (ср.: *Judge not of men and things at first sight* 'Не суди о людях в о вещах с первого взгляда'; *Keep your mouth shut and your ears open* 'Держи рот на замке, а уши открытыми'), и объяснительные (ср.: *There is no fire without smoke* 'Огонь без дыма не бывает'; *It is the first step that costs* 'Только первый шаг стоит усилия').

е) непосредственно оценочные модели. В них дается прямая оценка конкретной реалии или жизненной ситуации, причем эта оценка является общезначимой. Частыми для таких пословиц и поговорок являются сравнения, сопоставления или ситуативные распространения. Ср.: *Не от добра дерево листья роняет; Последняя удача лучше первой*. В английской лингвокультурной традиции подобные пословицы и поговорки также широко представлены. Ср.: *Bad compromise is better than a good lawsuit* 'Плохой компромисс лучше, чем хорошая тяжба'; *Bad beginning makes a bad ending* 'Плохое начало ведет к плохому концу'.

ж) «центростремительная» модель. Структурно такие примеры имеют вид «*Кто Р, тот и Q*». Первым состоянием в этой модели представлено то, которое является исходно очевидным, понятным, вторым – то, которое скрыто, но имеет отношение к ценностям и является принципиально важным для нравственной жизни человека. При этом *Q* мыслится как находящееся в отношении метонимической зависимости от *P*. Ср.: *Кто правого винит, тот сам себя язвит; Кто правду хранит, того Бог наградит*. Эта модель также широко реализуется в пословицах и поговорках в английской лингвокультурной традиции. Ср.: *He is not poor that has little, but he that desires much* 'Беден не тот, у кого мало что есть, а тот, кто многого желает'; *He is happy that thinks himself so* 'Счастлив тот, кто считает, что он счастлив'. Однако в английской лингвокультурной традиции есть примеры прагматика которых соответствует прагматике русских пословиц и поговорок, но образность которых является иной по сравнению с русскими. Так, английской пословице *He must needs swim that is held up by the chin* 'Волей-неволей поплывешь, если тебя поддерживают за подбородок' (смысл: «При поддержке все легко») соответствует русская *И комар лошадь свалит, коли волк пособит*.

з) «центробежная» кванторная модель. По этой модели построены пословицы и поговорки, имеющие в своем составе кванторы общности типа *все, всякий, каждый, любой*. Ср.: *Всему бывает перемена; Всяк хочет взять, а никто не хочет дать; Ко всякой лжи свое приложу*. Эта модель актуальна и для английской лингвокультурной традиции. Ср.: *All covet, all lose* 'Всё желать, всё потерять'; *Everything comes to him who waits* 'К тому, кто ждет, все придет'. Вместе с тем в данной группе отмечаются примеры, имеющие этноспецифический характер, выражающие характерные только для английской лингвокультурной ментальности прагматические содержания. Ср.: *All men can't be first* 'Не всем дано быть первыми'; *Every white has its black, and every sweet its sour* 'У всякого белого есть свое черное, а у всякого сладкого – своя горечь'.

В третьем параграфе «*Формы языковой игры в пословицах и поговорках*» показано, что языковая игра вообще составляет одну из важнейших особенностей языка пословиц и поговорок, близкую к универсальной. Вопрос составляет лишь степень распространенности определенного игрового принципа в лингвокультурной традиции.

Особенно отчетливо принцип игры реализуется на фонетическом уровне. Определяются две разновидности такой игры – параномазийная и анаграмматическая. В параномазийной игре различаются две структурные разновидности пословиц и поговорок в зависимости от степени звукового сближения слов: а) такие, в которых слова различаются одной фонемой, – *Сегодня пан, а завтра пал; Умом туп, да кошель туг; англ. Cracked bell can never sound well* 'Треснутый колокол уже никогда хорошо звенеть не будет'; *East or West - home is best* 'Восток ли, запад ли, а дома лучше всего'; б) такие, в которых взаимодействующие слова различаются более чем одной фонемой. При этом во взаимодействующих словах начинают действовать дополнительные интегрирующие факторы – они обычно имеют одинаковое количество слогов, и ударный слог занимает в их составе одинаковое место. Ср.: *Этот нос – через Волгу мост; В родню толст да не в родню прост*; англ. *Best defence is offence* 'Нападение – лучший вид защиты'; *By hook or by crook* 'Не крюком, так крючком'.

Пословицы и поговорки, построенные по анаграмматическому принципу, также имеют две разновидности; а) такие, в которых анаграммы имеют характер аллитераций, причем повторяющиеся согласные могут иметь разный порядок – ср.: *Хватил слепой спелой ягоды виндерюхи* (СЛПЙ – СПЛЙ); *Либо дупеля, либо пуделя* (ДПЛ – ПДЛ). В английских пословицах и поговорках эта игра имеет более скрытый характер – ср.: *Many a little makes a mickle* 'Из многих малых выходит одно большое' (MLK – MKL); *Every tub must stand on its own bottom* 'Всякая кадушка должна стоять на собственном дне' (TBM – BTM); б) такие, в которых анаграммы сочетают в себе согласные и гласные. При этом в анаграмматические отношения могут вступать как отдельные слова (ср.: *Вприпор ружье – и то промах живет* (ПоР – ПрО)), так и слово и словосочетание или два словосочетания (ср.: *Нужа пьет и из поганой лужи* (анаграмматическую базу составляет комплекс НУЖ, который, с одной стороны, представлен в слове НУЖа, а с другой – в словосочетании погаНой лУЖи). Аналогичные игровые структуры отмечаются в английских пословицах и поговорках – ср.: *Many a little makes a mickle* 'Из многих малых выходит одно большое' (MLK – MKL); *Clean hand wants no washing* 'Чистую руку мыть не нужно' (анаграмматическую базу составляет сочетание WAN, распределенное в своих составляющих по всей пословице – *CleaN haNd WANis No WAsHiNg*).

В четвертом параграфе «*Принцип противопоставлений: взаимодействие семантики и синтаксиса*» показаны характерные для синтаксической структуры пословиц и поговорок типы противопоставлений, определяющие их содержание. Здесь отмечаются пять синтаксических видов пословиц и поговорок в зависимости от характера противопоставления:

а) такие, в которых противопоставляются отдельные концепты. Собственно языковую форму подобных противопоставлений составляют языковые и окказиональные антонимы – ср.: *Богатство гинет, а нищета живет*; *У горькой беды нет сладкой еды*; *Большая рыба маленькую целиком глотает*; англ. *All things are difficult before they are easy* 'Прежде чем стать легким, всё трудно'; *Better early than late* 'Лучше рано, чем поздно';

б) такие, в которых имеется логическое противопоставление. Их специфику составляет логическое отрицание заявленного признака чаще всего частицей *не*, но также и другими средствами данного языка – ср.: *Дадут – в мешок, не дадут – в другой*; *Небитый – серебряный, битый – золотой*; *Ни радости вечной, ни печали бесконечной*. В английской лингвокультурной традиции пословицы и поговорки такого рода не засвидетельствованы. Единичные примеры типа *He that serves everybody is paid by nobody* 'Кто всем служит, тому никто не платит', *Friend to all is a friend to none* 'Тот, кто друг всем, не является другом никому';

в) пословицы и поговорки с прагматическим противопоставлением. В них особую актуальность имеют прагматические содержания, которые и противопоставляются друг другу – ср.: *Лучше хлеб с водой, чем пирог с бедой*; *Овце с волком плохо жить*. Такие пословицы и поговорки активно функционируют и в английской лингвокультурной традиции – ср.: *Fasting comes after feasting* 'После пира наступает пост' *Honey tongue, a heart of gall* 'Медовый язык, а сердце из желчи'.

г) пословицы и поговорки с противопоставлением пропозиций. Особенность примеров такого рода составляет то, что они представляют собой два простых

предложения, объединенных в сложное. При этом связь между ними является бессоюзной, а противопоставление частей друг другу обеспечивается наличием антонимов в каждой из них. Ср.: *Богатому идти в суд – трын-трава; бедному – долой голова; Сделайся овцой – а волки готовы*. В английской лингвокультурной традиции подобные примеры также представлены весьма широко – ср.: *Great boast, small roast* 'Много похвалы, да мало жареного'; *Grasp all, lose all* 'За все хвататься – все потерять'.

д) пословицы и поговорки с противопоставлением пропозиций, дополняемым иными функциональными значениями. Обычно это значение подчеркнутого следствия (*Во зле жить – по миру ходить; Вора помыловать – доброго погубить*) или пояснения (*Идти в драку – не жалеть волос; По чужую голову идти – свою снести*). Данная модель актуальна и для английской лингвокультурной традиции – ср.: *More haste, less speed* 'Чем больше спешка, тем меньше скорость'; *Soon learnt, soon forgotten* 'Выученное наспех быстро забывается'; *Grasp all, lose all* 'За все хвататься – все потерять'.

В пятом параграфе «*Отрицание как элемент синтаксиса пословиц и поговорок*» рассмотрены важнейшие аспекты теории отрицания и с этой точки зрения представлены модели отрицания в пословицах и поговорках. Таких моделей выявлено пять:

а) отрицание с противопоставлением вида «не *P*, а *Q*» – ср.: *Не годы, а горе старит; Не птицу святать, а девицу; Не ростом взял, так дородством;*

б) отрицание с фокусом на «среднем» члене концептуальной шкалы, который достигается путем отрицания ее полюсов. При этом срединный член такой шкалы либо будет в высшей степени абстрактным, либо вообще окажется фикцией – ср.: *Наша квашня ни густа, ни пуста*.

в) простое отрицание. В этом случае отрицанию подвергается тот или иной элемент ситуации с целью игры фокусом внимания языкового субъекта. Таким путем актуализируется отношение *P – не-Р* и утверждается актуальность всего, что не-*P*. В познавательном плане исключается определенное положение в картине мира носителей языка. Ср.: *Не крестьянская денёга бумажка; Грех не смех. Грехи не смешки; Уголек да глина – не праздничный харч*.

г) отрицание с пояснением. Примеры такого рода двухчастны. В первой части формулируется банальное утверждение по формуле «*X не есть Y*». Вторая часть метафорически поясняет свойства *X*-а с точки зрения лиц, принадлежащих к данной лингвокультурной традиции. Ср.: *Грехи не пироги: пережевывая не проглотить; Счастье не корова: не выдоишь; Человек не грибок, в день не вырастет (или: не растет под дожджком)*.

д) отрицание в предикативном центре. Суть этой модели состоит в том, что отрицаемым членом является предикат, и таким путем заявляется положение дел, требующее закрепления в общественном сознании. Ср.: *Грех не уложишь в орех (или: в мех); С сумой ходить – не хороводы водить; Бога не обманешь, хоть и пораньше нашего встанешь*.

В английской лингвокультурной традиции пословицы и поговорки с отрицаниями представлены крайне ограниченно. И концепты, которые подвергаются «негативному осмыслению» являются в данных условиях единичными – лишь «жизнь» и «бедность». Ср.: *Life is not a bed of roses* 'Жизнь не ложе из роз'; *Life is not all cakes and ale* 'Жизнь не все пирожки да эль (т. е. не все

забавы да развлечения)»; *Poverty is not a shame, but the being ashamed of it is* 'Бедность – не позор, но стыдиться ее – позорно'.

В главе III «Ключевые концепты в свете даяных пословиц и поговорок» выявлены и описаны семантические структуры констант «Бог», «вера», «деньги», «закон» и «суд», осуществлен сравнительный анализ связанных с ними культурных представлений и языковых знаний, даны графические схемы, представляющие собой своего рода семантические «карты» этих констант.

В первом параграфе «Содержательная структура концептуальной области Бог» рассмотрены основные аспекты религиозно-философского понимания этой категории, выявлена ее содержательная структура в русском лингвокультурном сознании с точки зрения пословиц и поговорок.

Исходно в ней выделяются три содержательные зоны: «Отношение Бог – человек», «Отношение человек – Бог» и «Взаимоотношения Бога и человека».

В содержательной зоне «Бог – человек» выделяется шесть концептуальных составляющих. Прежде всего, это идеологема «Бог заботится о человеке, оберегает его», причём здесь выражается мысль о том, что для Бога объектом заботы являются все люди. Ср.: *Друг по другу, а Бог по всем; Всяк про себя, а господь про всех; Аще бы (или: кабы) не Бог, кто бы нам помог?*

Другая идейная линия, в которой реализуется содержательная зона «Бог – человек», такова: Бог дает человеку все необходимое. Ср.: *Во времени подождать: у Бога есть что подать; Бог даст, и в окошко подаст (т. е. далеко не ищи)*. В рамках этой идеологемы выделяются и конкретные аспекты такого отношения Бога к человеку. В частности в пословицах и поговорках выражается мысль о том, что Бог дает человеку пропитание (ср.: *Бог напитал, никто не видал (прибавка: а кто и видел, тот не обидел); Даст Бог день, даст Бог и пищу*), общий материальный достаток (ср.: *Его Бог благословил (детьми, богатством, досужеством, дородством и пр.)*), необходимые условия духовного роста (ср.: *Бог пристанет (или: наставит) и пастыря приставит*)

Третья идейная составляющая содержательной зоны «Бог – человек» представлена концептом Божьего суда (ср.: *Ни хитру, ни горазду, ни убогу, ни богату суда божьего не миновать; Бог суди твои костыли (т. е. лукавство)*). При этом в данной группе могут быть определены частные концептуальные аспекты: неизбежность Божьего суда (ср.: *От Бога не уйдешь. От Божьей власти (или: кары) не уйдешь; Суда божьего околицей не объедешь*) и темпоральной отдаленности Божьей кары от проступка человека (ср.: *Не скор Бог, да меток; Бог и слышит, да не скоро скажет; Бог долго ждет, да больно бьет*).

Четвертая идейная составляющая содержательной зоны «Бог – человек» определяется выраженной в них идеей Божьей воли, направленной на человека. Здесь также отмечаются следующие частные концептуальные аспекты: верховенство Божьей воли (ср.: *Божьей воли не переможешь (или: не переволишь); Выше Божьей воли не будешь (не станешь); Господь богатит и высит, убожит и смиряет*), Бог как источник и первопричина всех событий (ср.: *Бог не захочет, и пузырь не вскочит; Все от Бога. Всяческая от Творца; Божье тепло, Божье и холодно; Бог вымочит, Бог и высушит*), Бог – это судьба (ср.: *Стреляй в куст, Бог (или: пуля) виноватого сыщет; У Бога-света с начала света все dospeto; Бог не даст (или: не выдаст), свинья не съест; Бог попускает, и свинья гуся съедает*)

К этой подгруппе относятся примеры, имеющие ветхозаветное происхождение, – ср.: *Бог дал, Бог и взял; Бог отымет, Бог и подаст*. Первая поговорка представляет собой цитату из Книги Иова, вторая является простонародной перифразой первой.

Пятая идейная составляющая содержательной зоны «Бог – человек» представлена идеологемой «милость Бога выражается в посылаемых человеку трудностях» (ср.: *Кого Бог любит, того и наказует; Наказуя, наказанья Господь, но смерти не предаде; Его сам Бог пометил (или: запятнал, покарал)*).

Шестая составляющая содержательной зоны «Бог – человек» представлена концептом особой жизненной связи между Богом и человеком (ср.: *Жив Бог – жива душа моя; Живем, поколе Господь грехам нашим терпит*).

В содержательной зоне «Человек – Бог» определяются две основные идейные составляющие. С одной стороны, это идея Божьего страха. Таков основной модус отношения человека к Богу, который был сформирован еще ветхозаветной традицией и который в данных условиях имеет установочный характер (ср.: *Начало премудрости – страх Господень; Бога ты не боишься! Бога бойся! Не бойся никого, кроме (или: только) Бога одного*). С другой стороны, это идея обращенности человека к Богу. Во-первых, оно осуществляется как прославление Господа словами или делами (ср.: *Богу хвала, а вам (а добрым людям) честь и слава; Коли не людям в честь, ин (или: так) Богу в славу; Славите Бога, так слава и вам!*). Во-вторых, форму обращения человека к Богу составляет постоянная уважительная память о Нем (ср.: *Божье забудешь, и своего не получишь*).

И в-третьих, важной формой обращения человека к Богу определяется молитва (ср.: *Молитва места не ищет; Аминь человека спасает; Одно спасенье – пост да молитва; Не хлебом живы, молитвою*). Вместе с тем в пословицах и поговорках обозначилось и скептическое представление о силе молитвы и обращение человека к реальной практической сфере – ср.: *Аминем беса не отшибешь (или: беса не отбудешь)*. Разновидностью молитвы является крестное знамение (ср.: *Кто перекрестясь работает, тому Божья помощь; Кто не окрестясь за стол садится, с тем ест и пьет Дьявол*).

В содержательной области «Взаимоотношения человека и Бога» определяются пять концептуальных составляющих. Первая фиксирует вообще наличие таких взаимоотношений (ср.: *Кто к Богу, к тому и Бог; Любящих и Бог любит; Кто любит Бога, добра получит много*).

Вторая конкретизирует это отношение и показывает, что оно задается нравственными поступками человека, на которые Бог отвечает житейским благополучием человека (ср.: *Кто добро творит, тому Бог отплатит; За добро Бог плательщик; Кто добро творит, того Бог благословит*).

Третья концептуальная составляющая в данной содержательной области – оценочная несимметричность «диалога» между человеком и Богом. На безнравственные поступки человека Бог отвечает милостью (ср.: *Человек (или: кто) с лихостию, а Бог с милостію; Мы с печалью, а Бог с милостію; Он Его хранит, а Бог его хранит*).

Четвертая концептуальная составляющая в содержательной области «Взаимоотношения человека и Бога» – нарушение «диалога» между человеком и Богом. Оно происходит, когда человек противится Божьей воле (ср.: *Человек так,*

а Бог инак. Человек по-своему, а Бог по-своему; Ты свое, а Бог свое; Ты к худшему, а Бог к лучшему; На человеческую глупость есть Божья премудрость).

Во втором параграфе «*Структура и содержание концептуальной области «вера»*» вскрыты общие когнитивные и прагматические основания концепта «вера» на основе анализа мотивации слов с данным значением в индоевропейских языках, показано что концепт «вера» ориентирован на такие содержания, как «сердце», «ожидание» и «надежда», «доверие» и «истинность». В более широком концептуальном пространстве концепт «вера» связан с концептами «церковь» и «Бог». Еще более отдаленную периферию в этом семантическом поле составили содержания, касающиеся церковных обрядов, священства – всего того, что связано с верой на прагматическом уровне.

Исходно концептуальная область «вера» конституируется шестью идейными составляющими, каждая из которых, в свою очередь, имеет дополнительные концептуальные наполнения. Так, первая составляющая – «важная роль веры в жизни человека». Здесь далее выделяются несколько подгрупп, в которых закрепились частные аспекты понимания важности веры. Во-первых, это подгруппа, выражающая мысль о том, что вера должна подкрепляться делами, причем она ориентирована на Бога, – ср.: *Без дел вера мертва (нема) перед Богом; Без добрых дел – вера мертва (или: нема) пред Богом*. Во-вторых, подгруппа, в которой с оценочных позиций ставится вопрос о перемене веры – ср.: *Веру переменить – не рубашку переодеть; Менять веру – менять и совесть* (в последнем примере вера концептуально отождествляется с совестью [см.: Апресян 1995: 352 – 354]). В-третьих, здесь отмечается контекстуально оформленный призыв к субъективному укреплению веры, объектом которой указывается Бог – ср.: *Пораньше просыпайся, да за Бога хватайся! Дай Бог нашему Богу жить, – все живы будем* (последний пример примечателен еще и тем, что в нем имеет место языковая игра). В-четвертых, в данной группе выделяется ряд примеров, в которых ставится вопрос о критериях истинности веры и даются выходы на идею толерантности – ср.: *Не та вера правее, которая мучит, а та, которую мучат; Все под одним Богом ходим, хоть и не в одного веруем*. Принцип толерантности по отношению к той или иной вере выражается в русских пословицах и поговорках и вполне определенно. В них содержится мысль о внешнем разнообразии вер и религий при их сущностном тождестве – ср.: *Всяк по-своему Бога хвалит; Все один Бог, что у нас, что у них (у иноверцев); Бог один, как ни призывай его; Как ни молись, Бог все услышит*.

Вторая составляющая концептуальной области «вера» задается оценкой сакрального и мирского в сущем, причем в этих условиях наблюдается отказ от принципа установочности и переход к констатации положения дел. В частности, здесь выражается мысль о том, что сакральная и мирская сферы в обыденной жизни человека не пересекаются – ср.: *Бог богом, а люди людьми; Плачься Богу, а слезы – вода; Царь далеко, а Бог высоко*. Здесь также указывается оценка сакрального и мирского: в положительной позиции это церковь, в отрицательной – кабаки и веселая, разгульная жизнь. При этом концепт кабака метонимически представляется пьянством; а концепты веселья и разгульности так же метонимически простейшими музыкальными инструментами – дудкой, балалайкой. Церковь метонимически представляется посредством образа свечи. Ср.: *Хоть церковь и близко, да ходить склизко; а кабаки далеконо, да хожу*

потихоньку; На дудку есть, а на свечку нет (т. е. денег); На балалайку станет, и на кабак станет, а на свечку не станет. Противопоставленность сакрального и мирского реализуется также на иной концептуальной и образной основе – ср.: *Попы за книжки, а миряне за пышки.* Здесь книжки и пышки метонимически представляют сакральное и мирское, духовную сферу и телесно-чувственную, плотскую.

Третья составляющая концептуальной области «вера» с точки зрения русских пословиц и поговорок задается концептом «ритуал». Здесь также имеется несколько составляющих. Во-первых, это достаточно обширная зона, организующаяся вокруг концепта «пост» – ср.: *Одно спасенье – пост да молитва; Великий пост всем прижмет хвост.* Вместе с тем здесь отмечается преимущество духовной работы перед постом – ср.: *Бог даст совет, так и в пост мясоед; Постись духом, а не брюхом!* Во-вторых, это концептуальная зона, ориентированная на образ колокольного звона. Общую особенность таких примеров составляет, с одной стороны, установочность, а с другой – положительная оценка и приоритетность в системе жизненных ценностей. Ср.: *К вечерне в колокол – всю работу об угол; Первый звон – чертям разгон; другой звон – перекстись; третий звон – облокись (оденься, иди в церковь); Первый звон – пропадай мой сон; другой звон – земной поклон; третий звон – из дому вон!* В-третьих, это выраженная идея общего скептического отношения к церковной ритуальности, связанного с осознанием важности простых хозяйственных дел – ср.: *Богу молиться – не вовсе разориться (т. е. надо заняться и мирским); Повадишься к вечерне – не хуже харчевни: ныне свеча – ан шуба с плеча (укор скупых мужей женам).*

Четвертая зона концептуальной области «вера» организована вокруг концептов греха и спасения. Здесь также развиваются несколько идейных направлений, раскрывающих структуру русской лингвокультурной картины мира. Во-первых, это идея о том, что грех является обязательным и естественным атрибутом человека, – ср.: *Один Бог безгрешен. Един Бог без греха; Нет такого человека, чтоб век без греха прожил.* Во-вторых, в рамках этой группы оговариваются виды и свойства греха – ср.: *Без денег в церковь ходить грех; Всякая неправда грех; Что грешно, то и смешно (или: потешно); Грехи тяжки; Тяжело грехи носить.* Некоторые примеры в этой группе построены так, что в них противопоставляются процессуальная сторона и результативная – ср.: *Грех сладок, человек падок; Грех сладко, человеку падко.* Именно процессуальная сторона, охарактеризованная метафорически посредством слова *сладок/сладко* с основанием «приятный», делает человека «падким» до греха. В-третьих, это общая идея таинственности греха, недоступности его простому человеческому осмыслению. Ср.: *Люди темные: не знаем, в чем грех, в чем спасенье; Чего Бог не найдет, того человек не понесет.* В-четвертых, в данной концептуальной зоне отмечается идея собственно христианского спасения. При этом развиваются разные его аспекты: сложность обретения, значимость ритуальной жертвы в этом плане, озабоченность спасением и т.д. Ср.: *Час от часу к смерти ближе, а от спасения дальше; Ароматы (или: фимиамы) от мук не избавят; Избави нас, Бог, от шугея стоянья, сподоби десного пребывания!* Последний пример содержит прямую аллюзию на евангельский сюжет о двух разбойниках, которые были казнены одновременно с Иисусом Христом (Лк. 23, 39 – 43). При этом *десная сторона* (справа) – по закону

оценочного распределения членов семантических оппозиций оценивается положительно, а *шуя* (слева) – отрицательно. Иными словами, безотносительное положение справа в контексте евангельской истории означает «показаться в раю и спастись», а положение слева – «оказаться в аду и погубить свою душу». И в-пятых, в данной концептуальной зоне отмечается общая идея о том, что спасение дает Господь. Ср.: *Коли Бог по нас, то никто на нас* (или: *против нас*); *Аще Бог с нами, никто же на ны; Бог по ны, никто же на ны*. Особенность примеров данной подгруппы составляет вхождение в их состав архаичных слов и старославянизмов. Так, здесь отмечаются союз *аще* ‘если’, форма в. п. мн. ч. древнерусского языка *ны* ‘нас’, предлог *по* в значении ‘за’, устаревшее сочетание *никто же*. Функционально эти элементы придают соответствующим поговоркам высокую стилизовую окраску, которая иконически воспроизводит отношение языкового субъекта к тому, что в поговорках говорится.

Пятую составляющую концептуальной области «вера» образует концептуальная зона, организующаяся вокруг концептов церкви и священства. Здесь также развиваются несколько содержательных направлений. Во-первых, это содержания, касающиеся положения церкви в религиозной жизни общества и ее имущества – ср.: *Крестовая церковь и кресты правит; Церковное стяжанье – Божье; Церковное достояние – убогих богатство*. Имеющиеся примеры отличает объяснительная направленность, они формируют у носителей языка определенные представления о мире. Во-вторых, это содержания, касающиеся священства и церковной ритуальной атрибутики (икон). Примеры, входящие в эту подгруппу, отличает уже установочная направленность – ср.: *Первую мерлушку попу на опушку! Не отсыпав попу новины, хлеба не продавай! Образа да ножи не дарят, а меняют*. В-третьих, в данной зоне отмечаются содержания, касающиеся монастырей и монашеской жизни. Мирская жизнь при этом оценивается как более «живая» и понятная обычному сознанию. Примеры такого рода являются объяснительными по своей функциональной направленности. Ср.: *Монастырь дохуку любит (т. е. просьбы и приношения); Келья – гроб, и дверью – хлоп! Божьи невольники счастливы*.

И шестая составляющая концептуальной области «вера» представлена семантической зоной, в которой центральное место занимают концепты «нечистая сила» и «святые». Особенность русских пословиц и поговорок в этой группе, составляет семантическая эквивалентность слов *бес*, *черт*, *сатана*, *дьявол*. В этом состоит специфика русской наивной картины мира. В данной зоне, во-первых, обсуждаются качества беса, в ряду которых наиболее важными указываются вездесущность, зловерность, вечность – ср.: *Заступи черту дверь, а он в окно; Бес не пьет и не ест, а пакости деет; Дьявол осьмью тысячу живет*. Упоминается в пословицах и поговорках и цвет черта – ср.: *Не зарудился черт (т. е. не загорел), а таков уродился*. Во-вторых, в данной зоне определяется идейная линия возможности и необходимости противостоять «нечистой силе». Пословицы и поговорки, выражающие эту идею, могут быть как констатирующими, так и установочными. Ср.: *Бог дал, а с чертом потягаемся; Не поддавайся черту, так ему и власти нет над тобой! Скуден, да нужен (человек), а беден бес*. В-третьих, для данной зоны актуальна идея святости. В примерах такого рода выражается семантика благой силы, способной противостоять силе нечистой [Топоров 1995: 477 – 480], а их общую функциональную черту составляет объяснительность. Ср.:

Радостен бес, что отпущен инок в лес; Господь умудряет слепца, а дьявол искушает чернеца; Сатана и святых искушает.

В третьем параграфе «*Русский миф о деньгах в зеркале пословиц и поговорок*» вскрыт комплекс идей, связанных с концептом «деньги» в русском лингвокультурном сознании. Показано, что деньги понимались широко – как имущественная состоятельность вообще. Ср.: *Кресты да перстни – те же деньги; Нет в кармане, да есть в анбаре; Не хвались серебром, хвались добром.* Однако особым эквивалентом богатства в сознании русского человека мыслились зерно, хлеб – ср.: *Без денег проживу, без хлеба не проживу.*

Пословицы и поговорки значительно расширяют эту картину. И прежде всего, имеющиеся примеры показали, что деньги мыслились, с одной стороны, в сакральном аспекте, а с другой – в профаном.

Сакральность денег обнаруживает ряд их особых качеств. Прежде всего, иррациональность – это «метафизический» объект, существующий по особым законам. Ср.: *Деньга на деньгу набегает; Деньга деньгу наживает (или: родит, кует); Деньги что гальё (галки): всё в стаю сбиваются.* Кроме того, деньги удерживаются счетом, им они сберегаются и множатся – ср.: *Хлебу мера, а деньгам – счет; Деньги счет любят; Деньги счетом крепки.* Наконец, деньги облают собственной сакральной силой – ср.: *Денежка не Бог, а бережет (или: а милует); После Бога – деньги первые (59); Есть родные (т.е. денежки), так и по-божески идет; Паличные денежки – колдунчики.*

Концептуальная область денег в профаном, бытовом аспекте содержательно более богата. И прежде всего, здесь активно выражается мысль о том, что деньги способны производить некий результат – ср.: *Деньга камень долбит; Как деньги при бедре, так помогут при беде; Стоит кракнуть да дежкой брякнуть – все будет; Копейка обоз гонит; Денежка дорожку прокладывает.* Кроме того, здесь отмечается мысль о том, что деньги формируют положительное отношение к человеку (ср.: *С деньгами мил, без денег постыл; Добр Мартын, коли есть алтын; Худ Роман, коли нуст карман*), распространяют свое влияние на религиозную и нравственную сферы (ср.: *Это грех денежный (т.е. его можно поправить деньгами); Деньга попа купит, Бога обманет (т.е. поп грехи скроет)),* обеспечивают достаток в доме (ср.: *Есть в мошне, так будет и в квашне; Есть грош, так будет и рожь; Есть в кармане, так будет и в анбаре*), дают человеку социальную значимость (ср.: *У кого колос, у того и голос; Без гроша – слава нехороша*).

Заметной составляющей концептуальной области «деньги» выступает идологема «деньги обеспечивают веселую жизнь» – ср.: *Были бы бумажки, будут и милашки.* Слова с субъектной семантикой *бумажки* и *милашки* здесь метонимически представляют значения «деньги» и «красивые женщины».

Наконец, в концептуальной области «деньги» выделяются три зоны, связанные с отношением к ним. Во-первых, это уважительное отношение, признание того, что это важный элемент жизни, который делает ее благополучной, – ср.: *Хорошо тому щеголять, у кого денежки гремят; Без нужды живет, кто деньги бережет.*

Во-вторых, это пренебрежительное отношение к деньгам в силу того, что они приносят лишние заботы, беспокойство – ср.: *Деньги – железо, а платье тлен; Лишние деньги – лишние заботы; Меньше денег – меньше хлопот; Без денег сон крепче.* Однако за внешней сниженной образностью таких примеров на самом деле

просматривается уважение к деньгам – ср.: *Деньги – склока, а без них плохо; Деньги – слина, а без них схи́ма*. В последнем примере активно работают метонимический и метафорический переносы: слово *слина*, т.е. слюна, может пониматься по отношению к деньгам, скорее всего, как «плевок» (т.е. как нечто в высшей степени ничтожное), а у слова *схи́ма* ‘монашеский чин, налагающий самые строгие правила’ актуализируется один из признаков в прагматической семантике – «крайнее лишение».

И в-третьих, это опасение больших денег. В соответствии с нормами мифологических представлений, согласно которым особо значимые явления должны вызывать у человека страх и уважение, некоторую боязнь вызывают у человека и деньги. Они могут привести к испорченности детей, болезням, отсутствию радостей в жизни, утрате нравственности и т.д. Ср.: *Богатство родителей – порча детям (или: кара детям); Отец богатый, да сын неудатый; Через золото слезы льются; Нищий болезней ищет, а к богатому они сами идут*. Именно поэтому деньги рассматривались как способ проверки нравственной силы человека – ср.: *Изведай человека на деньгах. Деньги иску́с лю́бят*.

Все это определило, пожалуй, самую важную мифологическую черту денег – их особую жизнеспособность, которая стоит выше жизни каждого отдельного человека. Об этом говорит пример *Деньги не голова: наживное дело*, где слово *голова* метонимически представляет значение «жизнь».

В четвертом параграфе *«Структура и содержание концептуальных областей “закон” и “суд”»* описаны общие прагматические основания данных концептов в русской языковой ментальности. Показано, что они функционировали в двух культурных условиях: с одной стороны, в сельском обществе (в *миру*), с другой – в суде как официально установленном институте. В миру действовали исторически сложившиеся правила жизни, и практически они реализовались на сходе. В суде действовал закон. Первое условие рассматривалось как «свое» и правильное, второе – как чужеродное и противоестественное. Показано также, что в русском лингвокультурном сознании концепт преступления тесно связывался с концептом греха. Вместе с тем законы в русском традиционном сознании часто входили в конфликт с правилами, на которые общество опиралось в своей реальной повседневной жизни. Так, преступлением не считалась тайная торговля самогоном («вином»), терпимо относился народ и к продаже недоброкачественного товара («без этого и торговать нельзя»). Преступлением не считался чинимый крестьянами самосуд.

В структуре концептуальной области «закон» с точки зрения пословиц и поговорок определяются три основные зоны. Первая – зона общих представлений о законе. Здесь реализовались несколько конкретных содержательных направлений. Во-первых, это мысль о том, что закон действует избирательно: богатым он не опасен, а бедных преследует – ср.: *Закон, что паутина: шмель проскочит, а муха увязнет*. Во-вторых, мысль о гибкости закона, возможности его разного трактования – ср.: *Закон – дышло: куда захочешь, туда и воротишь*. В-третьих, мысль о том, что закон не спасает от нужды, – ср.: *Нужда закона не знает. Про нужду закон не писан; Нужда закона не знает, а через шагает*. Но это означает, что закон мыслился носителями языка и как фактор материального благополучия человека. Наконец, в данной группе отмечен единичный пример, в

котором фиксируется специальное знание, касающееся того, что закон не имеет обратной силы, – ср.: *Закон назад не пишется (задним числом)*.

Вторая зона в структуре содержательной области «закон» определяется как «отношение человека к закону». В частности, здесь актуальны идеи разочарования и обиды на закон и тех, кто ему служит (ср.: *Где закон (или: законники), там и обида*), а также мысль о том, что нарушение закона появляется только там, где есть концепт закона и законности (ср.: *Где закон (или: заповедь), там и преступление; Если бы не закон, не было бы и преступника*). Однако здесь отсмечается и идея уважения к закону и признания его важности в жизни (*Все законы писать, когда их не исполнять*). Кроме того, в зоне отношения человека к закону выделяется идея о том, что законы, сами по себе ценные и хорошие, порочат люди, которые связаны с исполнением законов по долгу службы, – ср.: *Кто законы пишет, тот их и ломает; Законы святы, да законники (или: судьи) супостаты*.

Наконец, третья зона в структуре содержательной области «закон» связывается с идеей противопоставления закона и мирских правил жизни (они определяются либо как «устав», либо как «правда» – ср.: *Недолго той земле стоять, где учнут уставы ломать; Хоть бы все законы пропали, только бы люди правдой жили*).

В структуре концептуальной области «суд» также определяются три зоны. В зоне «негативное отношение человека к суду» выделяются отдельные аспекты, показывающие отрицательное отношение к нему: человек боится суда, а судебную тяжбу рассматривает как серьезное жизненное испытание – ср.: *Тяжба – петля; суд – виселица; Не тягайся – удавишься; Из суда – что из пруда: сух не выйдешь*. Вместе с тем здесь выражается и установочная мысль о том, что опасение должен вызывать не суд как институт законности, а люди, которые его осуществляют, – ср.: *Не бойся суда, бойся судьи (прибавка: не бойся барина, бойся слуги); Суд прямой, да судья кривой*.

Зона «причины негативного отношения человека к суду» структурно определяется такими идеологемами, как «неправедность суда» (*Неправдою суд стоит; Где суд, там и неправда; Неправдою суд стоит; Где суд, там и неправда*), «произвол судей» (*Перо в суде – что топор в лесу (прибавка: что захотел, то и вырубил)*), «непонятная человеку вина» (*Перед судом все равны: все без окупа виноваты*). Наконец, к суду невозможно нормально относиться, поскольку это дело очень затратное и дорогое. Фактически, суд выгоден только судьям – ср.: *Не судись: лапоть дороже сапога станет; В суд ногой – в карман рукой*.

Зона «позитивное отношении к суду» характеризуется тем, что в ней прагматически реализуются представления о сходе, и слово суд выступает в другом значении. На это указывают установочные обращения к простому человеку вообще как субъекту суда (установочность этих обращений имеет смысл только в условиях схода).

В данном плане также отмечаются несколько концептуальных направлений. Во-первых, это самые общие условия праведного суда – ср.: *Держи правду по наряду! Держи суд по закону!* Во-вторых, это конкретные правила осуществления суда, справедливого с точки зрения традиционного лингвокультурного сознания, – ср.: *Кто повинился, того суди Бог; Кто в деле, тот и в ответе; Разорить до конца – не будет венца*. В-третьих, это концепт правды – его значимость в правовой жизни общества. При этом «правда» связывается с Богом и религиозной

сферой, а таким образом, она мыслится и более высоким основанием права – ср.: *За правду Бог и добрые люди; Кто правду хранит, того Бог наградит.*

В данных условиях особо актуальна мысль о том, что правда и справедливость судебного решения далеко не всегда соответствуют друг другу. Закон может входить в конфликт с правдой. Ср.: *На деле прав, а на бумаге виноват; Бумажная вина не прощена (т. е. кто на бумаге виноват); Суд по форме – судей покормит.* Последний пример примечателен тем, что в нем имеет место языковая игра на формальном уровне. А именно, парониматическое сближение слов *по форме* и *покормит*. Это сближение обеспечивается фонетическими комплексами [п\лформ'...] и [п\лкорм'...].

В **Заключении** работы обобщаются полученные в ходе исследования результаты, формулируются дополнительные выводы, намечаются перспективы дальнейших исследований в направлении, намеченном в данной диссертации.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях общим объемом 3,6 п.л.

1. Ковалишин П.Ю. Нравственный человек в зеркале русских идиом // Семантические процессы в языке и речи. Калининград: Изд-во РГУ им И. Канта, 2008. С. 67 – 75 (0,7 п.л.).
2. Ковалишин П.Ю. Жизнь как этическая ценность в русском традиционном сознании (на материале русских поговорок) // Балтийский регион: лики русского мира. Калининград: Изд-во РГУ им.И. Канта, 2008. С. 122 – 129 (0,6 п.л.).
3. Ковалишин П.Ю. Концепт «добра» в русских поговорках // Язык и дискурс в статике и динамике. Материалы Международной научной конференции. Минск, 2008. С. 143 – 144 (0,3 п.л.).
4. Ковалишин П.Ю. Концептуальная область денег/money в русских и английских поговорках // Семантические процессы в языке и речи. Калининград: Изд-во РГУ им И. Канта, 2009. С. 50 – 55 (0,5 п.л.).
5. Ковалишин П.Ю. О парадигмальных границах современной лингвокультурологии // Семантические процессы в языке и речи. Калининград: Изд-во РГУ им И. Канта, 2010. С. 41 – 48 (0,6 п.л.).
6. Ковалишин П.Ю., Берестнев Г.И. Русский миф о деньгах в зеркале пословиц поговорок // Балтийский регион: миф в языке и культуре: материалы международной научной конференции. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010. С. 41 – 52 (0,9 п.л.).

Статьи в ведущих рецензируемых научных изданиях, включенных в перечень ВАК

7. Ковалишин П.Ю. Принцип междисциплинарности в исследовании языковой картины мира // Филологические науки, 2011, № 3. С. 38 – 45 (0,8 п.л.).
8. Ковалишин П.Ю. Анаграмматическая игра в пословицах и поговорках: русско-английские параллели // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. Серия «Филологические науки». Вып. 8. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2011. С. 70 – 73 (0,4 п.л.).

Ковалишин Павел Юрьевич

Средства языковой репрезентации и семантическая структура
культурных констант «Бог», «вера», «деньги», «закон», «суд»
(на материале сборника русских пословиц и поговорок В.И. Даля)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Подписано в печать 10 сентября 2011 г.

Бумага для множительных аппаратов. Формат 60×90 $\frac{1}{16}$

Гарнитура «Таймс». Ризограф. Усл. печ. л. 1,5. Усл. изд. л. 1,3.

Тираж 90 экз. Заказ 214

Отпечатано Издательством Балтийского федерального университета им. И. Канта
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14